

ТЫ ВОЗНЕНАВИДЕЛ МЕНЯ

— Эл Фрей —

Эл Фрей

Ты возненавидел меня

«Автор»

2026

Фрей Э.

Ты возненавидел меня / Э. Фрей — «Автор», 2026

Пять лет назад Луи Кингсли, наследник могущественной Kingsley Group, едва не погиб после нападения. Пока он лежал в реанимации, весь мир узнал, что его любимая женщина оказалась расчётливой охотницей за деньгами, которая предала его ради страховки. Доказательства были неопровержимы. Луи вычеркнул Аманду из своей жизни, не дав ей сказать ни слова. Он так и не узнал, что она носила под сердцем его ребёнка. Теперь Аманда работает хостес в отеле «Belmoore» и в одиночку растит шестилетнего Ноа. Когда в отель прибывает делегация Kingsley Group, ей приходится лично сопровождать мужчину, который её ненавидит, и его безупречную спутницу. Луи холоден и беспощаден. Но чем ближе он оказывается, тем сильнее трещит его уверенность. Кто на самом деле разрушил их любовь? И что будет, когда он увидит мальчика с его глазами? Эмоциональный любовный роман о предательстве, тайном ребёнке и втором шансе.

© Фрей Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Возвращение	5
Глава 2. То, что было	9
Глава 3. Трещина	12
Глава 4. Дэниел	15
Глава 5. Ночь, которая всё изменила	18
Глава 6. На виду у всех	21
Г	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Эл Фрей

Ты возненавидел меня

Глава 1. Возвращение

Будильник прозвенел в шесть утра, но Аманда проснулась раньше — за десять минут до сигнала, как случалось всегда в дни, которые обещали быть трудными. Она лежала несколько секунд, глядя в потолок съёмной квартиры, слушая, как за стеной сопит во сне Ноа, и заставляла себя дышать медленно.

«Это просто рабочий день, — сказала она себе. — Такой же, как любой другой».

Она знала, что лжёт самой себе, но иногда ложь — единственное, что позволяет встать с кровати.

На кухне она сварила кофе, механически, на автомате, пока мысли уносились туда, куда она запрещала себе их пускать — к письму, пришедшему неделю назад на почту отеля с логотипом Kingsley Group и списком делегации, во главе которого стояло имя, от которого у неё до сих пор пересыхало во рту.

Луи Кингсли.

Пять лет. Пять лет она выстраивала свою жизнь заново, кирпичик за кирпичиком, начиная с нуля, без имени, без репутации, без единого человека, который бы поверил ей, когда весь мир решил, что она — расчётливая охотница за деньгами, предавшая умирающего мужчину ради страховых выплат. Она помнила каждую унижительную деталь того времени: заголовки таблоидов, презрительные взгляды бывших коллег, дверь особняка Кингсли, захлопнувшуюся перед её носом охранником, которого она когда-то называла по имени.

Она выжила. Она вырастила Ноа. Она заново научилась дышать без Луи Кингсли в своей жизни.

И сегодня ей предстояло снова встретиться с ним лицом к лицу.

— Мам, а можно мне блинчики? — Ноа появился на пороге кухни, взъерошенный, в пижаме с динозаврами, и Аманда мгновенно почувствовала, как сжимается сердце от одного взгляда на него. Тёмные кудри, серьёзные карие глаза, тот же изгиб бровей, что у отца, которого он никогда не видел.

— Блинчики — это на выходные, малыш, — она поцеловала его в макушку. — Сегодня у нас каша, а у мамы важный день на работе.

— Важный-важный?

— Очень важный, — призналась она. — Приедут важные гости из большой компании.

Ноа кивнул с серьёзностью, свойственной шестилетним детям, которые уверены, что понимают взрослый мир куда лучше, чем есть на самом деле, и вернулся к своей каше, а Аманда позволила себе несколько секунд просто смотреть на него, черпая силы из одного его присутствия.

Через час она уже была в отеле «Belmoore» — мраморный пол блестел после утренней уборки, живые орхидеи на стойке регистрации источали едва уловимый аромат, а персонал носился по лобби с видом людей, которым сообщили, что через час сюда прибудет королевская семья.

— Ты выглядишь так, будто вот-вот упадёшь в обморок, — Софи, менеджер отеля и её единственная настоящая подруга за эти годы, поправила воротник блузки Аманды в третий раз за десять минут. — Дыши, Аманда. Просто дыши.

— Я дышу.

— Ты дышишь так, будто готовишься нырнуть под воду на пять минут.

Аманда выдавила слабую улыбку. Софи знала правду — почти всю правду, за исключением самых болезненных деталей, — и была единственным человеком в этом городе, кто ни разу не усомнился в её невиновности.

— Помни, — тихо сказала Софи, сжимая её руку, — что бы он ни сказал, что бы ни сделал — ты здесь профессионал. Ты — лучший хостес, который у нас когда-либо был. Ты не обязана ему ничего доказывать.

— Знаю.

— Знаешь, но не веришь.

Прежде чем Аманда успела ответить, двери отеля распахнулись, впуская поток осеннего воздуха и группу людей в дорожных костюмах, среди которых мгновенно выделялась одна фигура — высокая, уверенная, притягивающая внимание всего лобби одним своим присутствием.

Луи.

Пять лет ничего не стёрли. Если уж на то пошло, они сделали его ещё более беспощадно привлекательным — та же уверенная линия плеч, тот же холодный, оценивающий взгляд, которым он окидывал пространство, будто весь мир по умолчанию был ему что-то должен. Тёмный костюм сидел на нём безупречно, идеально повторяя линии тела, которое она когда-то знала лучше собственного.

Рядом с ним, вцепившись в его руку с видом королевы на светском выходе, шла высокая блондинка в бордовом платье — точёные скулы, безупречный макияж, взгляд, способный оценивать людей за долю секунды и безошибочно определять, кто в комнате не имеет значения.

Аманда сделала шаг вперёд, как того требовал протокол, стараясь не думать о том, что колени предательски дрожат.

— Добро пожаловать в «Belmoore», — произнесла она голосом, который сама не узнала — таким ровным и профессиональным он звучал. — Меня зовут Аманда, я буду сопровождать вашу делегацию на протяжении всего пребывания.

Она гордилась собой ровно секунду — пока взгляд Луи не остановился на её лице.

Что-то в его глазах дрогнуло. Узнавание, мгновенное и острое, будто порез бумагой — сначала не чувствуешь боли, только потом. Она увидела, как на долю секунды его челюсть напряглась, как пальцы, лежавшие на рукаве пиджака, едва заметно сжались в кулак.

А затем — ничего. Ледяная, отточенная вежливость, будто перед ним стояла случайная сотрудница отеля, а не женщина, чьё имя он когда-то выкрикивал в порыве страсти бессчётное количество ночей.

— Аманда, — произнёс он медленно, и в том, как он выделил каждый слог её имени, была не радость встречи, а нечто похожее на пощёчину, тщательно завернутую в приличия. — Какое... совпадение.

Блондинка рядом с ним слегка нахмурилась, переводя взгляд с Луи на Аманду и обратно, будто пытаясь уловить невидимое течение под гладкой поверхностью воды.

— Вы знакомы? — спросила она, и в голосе прозвучали первые нотки настороженности.

— Когда-то, — коротко ответил Луи, не отрывая взгляда от Аманды. — Очень давно. Это было ещё до того, как я научился разбираться в людях.

Слова упали в тишину лобби, как камни в стоячую воду, и Аманда почувствовала, как щёки заливают жар — не от смущения, а от ярости, которую пришлось проглотить вместе с ответом, который она не имела права произнести вслух перед всей делегацией.

— Позвольте проводить вас к номерам, — сказала она вместо этого, поворачиваясь и молясь про себя, чтобы голос не выдал, как отчаянно колотится сердце. — Ваш этаж полностью в вашем распоряжении, конференц-зал подготовлен к десяти утра, а обед сервирован на террасе с видом на залив.

Она вела делегацию к лифтам, спиной чувствуя его взгляд — тяжёлый, изучающий, полный вопросов, которые он никогда не позволит себе задать вслух при свидетелях. Блондинка — Камилла, как выяснилось из списка гостей, — шла рядом с Луи, но то и дело поглядывала на Аманду с выражением человека, только что обнаружившего трещину в фундаменте дома, который казался идеальным.

Весь путь до лифта показался Аманде вечностью. Каждый шаг отзывался в висках пульсирующей болью, каждая секунда молчания за спиной казалась заряженной, как воздух перед грозой.

Когда двери лифта наконец закрылись, унося делегацию наверх, Аманда позволила себе прислониться к стене, закрыть глаза на три секунды и просто дышать.

— Ты справилась, — прошептала подошедшая Софи. — Смотри-ка, ты жива.

— Едва, — выдохнула Аманда.

В своей квартире, в получасе езды от отеля, шестилетний мальчик с тёмными кудрями и внимательными карими глазами в этот момент собирал конструктор, ссорился с плюшевым динозавром за право первого хода в воображаемой игре и совершенно не подозревал, что его отец, которого он никогда не видел даже на фотографии, только что вошёл в жизнь его матери снова — как ураган, который забыл, что когда-то был штилем.

Оставшаяся часть дня прошла для Аманды в тумане отработанных до автоматизма движений: расписание встреч, координация с кухней, улаживание мелких недоразумений с багажом. Она видела Луи ещё дважды — один раз мельком, когда он проходил через лобби с телефоном у уха, обсуждая какие-то цифры голосом, не терпящим возражений; второй раз — когда он вышел из конференц-зала на пятиминутный перерыв и на мгновение их взгляды встретились через весь холл.

Он не улыбнулся. Не кивнул. Просто смотрел — долго, изучающе, будто пытался разгадать головоломку, ответ на которую давно знал, но отказывался принимать.

Аманда отвела взгляд первой. Она всегда отводила взгляд первой — за исключением того единственного вечера, пять лет назад, когда решила, что больше никогда не отступит перед ним. Тогда это стоило ей всего.

К вечеру, когда делегация наконец разъехалась по номерам, а лобби опустело, Аманда позволила себе выдохнуть по-настоящему впервые за весь день.

— Первый день позади, — сказала Софи, протягивая ей бокал воды. — Осталось всего шесть.

— Шесть дней, — эхом повторила Аманда, и от этой мысли по спине пробежал холодок, природу которого она отказывалась анализировать слишком глубоко.

Она забрала Ноа у соседки, которая иногда сидела с ним после детского сада, и всю дорогу домой слушала его восторженный рассказ о том, как он построил самый высокий замок из конструктора в истории человечества. Она кивала, улыбалась в нужных местах, но часть её сознания оставалась в лобби отеля, в тех нескольких секундах, когда взгляд Луи встретился с её взглядом и весь мир на мгновение перестал существовать.

Уложив Ноа спать и рассказав ему на ночь историю про храброго дракона, который на самом деле был добрым, Аманда легла в свою кровать и уставилась в потолок, зная, что сон не придёт ещё очень долго.

Завтра предстояло ещё пять дней. Пять дней, в течение которых ей придётся смотреть в глаза человеку, который когда-то был всей её вселенной, а теперь смотрел на неё так, будто она была грязью под его дорогими ботинками.

Она не знала тогда, что эти шесть дней изменят всё.

Перед тем как окончательно провалиться в сон, она достала телефон и в последний раз за день просмотрела фотографии Ноа, сохранённые за последний месяц, — на детской площадке, с перепачканным шоколадом лицом после воскресного похода в кафе, спящего в машине после

долгой поездки к морю прошлым летом. Каждый снимок был маленьким якорем, напоминанием о том, ради чего стоило продолжать бороться, ради чего стоило выдерживать презрительные взгляды и колкости человека, которого она когда-то любила больше собственной жизни.

«Что бы ни случилось в ближайшие дни, — подумала она, наконец закрывая глаза, — я не позволю этому разрушить то, что я построила для нас двоих».

Но где-то глубоко внутри, в той части сознания, что отказывалась подчиняться голосу разума, уже зарождалось предчувствие, что обещания, данные самой себе в тишине ночной спальни, окажется куда труднее сдержать, чем ей хотелось бы верить.

Глава 2. То, что было

Пять лет и восемь месяцев назад

Аманда впервые увидела Луи Кингсли на благотворительном приёме, куда попала совершенно случайно — в качестве помощницы младшего аналитика, отправленной начальством разносить папки с отчётами, пока боссы обменивались рукопожатиями и отточенными комплиментами под хрустальными люстрами бального зала.

Зал был полон людей, которых она узнавала только по фотографиям в деловых журналах — мужчины в смокингах, обсуждающие слияния и поглощения между глотками виски пятидесятилетней выдержки, женщины в платьях, стоивших больше её годовой зарплаты, обменивающиеся любезностями с ядовитой точностью хирургов.

Аманда чувствовала себя здесь чужой — не потому что её одежда была недостаточно дорогой (хотя это тоже было правдой), а потому что весь этот мир существовал по правилам, которых она никогда до конца не понимала.

Она столкнулась с ним у фуршетного стола, в буквальном смысле — папки рассыпались по полу, документы разлетелись веером под ноги удивлённых гостей, и половина присутствующих обернулась посмотреть на скандальную сцену: наследник Kingsley Group, самый завидный холостяк года по версии трёх глянцевого журналов, стоит на коленях, собирая чужие бумаги.

— Вам совсем не обязательно это делать, — пробормотала Аманда, краснея так, что горели уши, торопливо опускаясь рядом с ним, чтобы помочь собрать разлетевшиеся страницы.

— Обязательно, — серьёзно ответил он, протягивая ей стопку документов, аккуратно выровненную, будто он специально задержался, чтобы сделать это правильно. — Я и есть причина, по которой они рассыпались. Справедливость требует, чтобы я и исправил последствия.

Он улыбнулся — не той вежливой, тренированной улыбкой, которую она видела на его фотографиях в деловой прессе, а настоящей, слегка кривоватой, будто он сам удивился тому, что улыбается на подобном мероприятии.

— Луи, — представился он, хотя в этом не было особой нужды: его лицо знал весь город, а его имя произносили с придыханием на каждом светском приёме последних пяти лет.

— Аманда, — ответила она, пожимая протянутую руку и стараясь не думать о том, что её собственная ладонь наверняка вспотела от волнения.

Он нашёл её снова через двадцать минут — принёс два бокала шампанского и, не спрашивая разрешения, встал рядом с ней у панорамного окна, подальше от гула толпы и звона бокалов.

— Вы выглядите так, будто ненавидите подобные мероприятия так же сильно, как и я, — заметил он, протягивая один из бокалов.

— Что заставляет вас так думать?

— Никто, кому действительно нравятся эти приёмы, не прячется у окна в компании собственных мыслей, вместо того чтобы обсуждать котировки акций с людьми, которым абсолютно наплевать на твоё мнение.

Аманда рассмеялась — искренне, впервые за весь вечер, и что-то в лице Луи изменилось, будто её смех был наградой, которую он не ожидал получить.

Так началось то, что Аманда впоследствии называла про себя «самыми настоящими месяцами своей жизни». Он позвонил на следующий день — не написал сообщение через помощника, а позвонил лично, что, как она узнала позже, было для него почти беспрецедентным поступком.

— Я хочу пригласить вас на ужин, — сказал он без предисловий. — Не деловой ужин. Настоящий.

Их первое свидание прошло не в дорогом ресторане с видом на город, как она ожидала, а в маленькой итальянской забегаловке на окраине, куда Луи водила ещё его бабушка, когда он был ребёнком.

— Здесь готовят лучшую карбонару в городе, — заявил он, усаживаясь за колченогий столик, покрытый клетчатой скатертью. — И никто здесь не знает, кто я, что временами становится настоящим благословением.

Луи оказался совсем не таким, каким его рисовала деловая пресса. За фасадом холодного, расчётливого наследника корпоративной империи скрывался мужчина, который мог часами говорить о старых виниловых пластинках отца, о путешествиях, которые мечтал совершить, но никогда не находил времени, о книгах, которые читал тайком от совета директоров, считавших чтение художественной литературы пустой тратой драгоценных часов.

— Моя семья считает, что эмоции — это роскошь, которую нельзя себе позволить в бизнесе, — признался он однажды, когда они гуляли по вечернему парку, и его пальцы едва заметно коснулись её пальцев, будто спрашивая разрешения. — Меня растили как будущего главу компании, а не как человека.

— А кем ты хочешь быть? — спросила она тогда.

Он остановился, посмотрел на неё так, будто вопрос застал его врасплох, будто никто и никогда прежде его не задавал.

— Не знаю, — честно признался он. — Но с тобой я впервые за долгое время об этом задумался.

Месяцы пролетели незаметно — тайные встречи, потому что его семья ещё не знала об их отношениях; долгие разговоры до рассвета в его квартире на верхнем этаже, откуда город казался игрушечным, украшенным гирляндами огней; смех, который она прежде не позволяла себе так часто.

— Ты первая, с кем я не чувствую, что должен быть кем-то, — признался он однажды ночью, когда город за окном спал, а они — нет, его пальцы лениво выводили узоры на её обнажённом плече. — Со всеми остальными я — ЛуиКингсли, наследник, будущее компании. С тобой я просто... Луи.

Она верила каждому его слову. Верила настолько, что когда он однажды, глядя ей в глаза с абсолютной, обезоруживающей серьёзностью, сказал: «Я хочу, чтобы ты была в моей жизни всегда, Аманда. Не как эпизод. Навсегда», — она позволила себе поверить и в это тоже, отбросив все сомнения, все предупреждения подруг о разнице их миров, все голоса в голове, шептавшие, что подобные истории случаются только в книгах.

Были, конечно, и трудности. Его мать, Вивьен Кингсли, встретила известие об их отношениях с ледяным неодобрением, которое не пыталась скрыть даже за видимостью вежливости.

— Ты понимаешь, что она никогда тебя не примет? — спросила однажды подруга Аманды, Соня, с которой она делилась тогда всеми переживаниями. — Люди вроде Кингсли не женятся на помощниках аналитиков.

— Луи не такой, как его мать, — упрямо отвечала Аманда, и в тот момент она искренне в это верила.

Она не знала тогда, что у веры, как и у любви, есть предел прочности, за которым начинается предательство — не её собственное, а того самого доверия, которое она вложила в человека, поклявшегося, что она будет в его жизни навсегда.

Первая официальная встреча с Вивьен Кингсли состоялась спустя три месяца после начала их отношений, на семейном ужине, куда Луи привёл Аманду вопреки собственным сомнениям, желая наконец представить её матери, а не прятать по углам светских мероприятий.

Особняк Кингсли поразил Аманду своими масштабами — высокие потолки, портреты предков, взиравшие с холодным превосходством со стен галереи, столовая, способная вместить полсотни гостей, хотя в тот вечер за длинным столом сидели только трое.

— Так вы, значит, та самая девушка, — произнесла Вивьен вместо приветствия, окидывая Аманду взглядом, каким обычно оценивают предмет мебели сомнительного происхождения. — Луи рассказывал о вас крайне скупое. Чем вы занимаетесь, напомним?

— Я работаю младшим аналитиком в отделе стратегического планирования, — ответила Аманда, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, хотя внутри всё сжималось от волнения.

— Как... мило, — протянула Вивьен с интонацией, не оставлявшей сомнений в истинном значении этого слова. — Луи, дорогой, передай мне соус, будь добр.

Весь ужин прошёл в подобном ключе — вежливые, но безжалостно острые вопросы о её семье, образовании, финансовом положении, каждый из которых подчёркивал пропасть между миром, в котором выросла Аманда, и миром, к которому принадлежал Луи. Когда ужин наконец закончился, и Луи повёл её к машине, Аманда чувствовала себя выжатой, как лимон.

— Прости за маму, — тихо произнёс он в машине, беря её за руку. — Она такая со всеми в первый раз. Дай ей время.

— А если она никогда меня не примет? — спросила Аманда, глядя в окно на проплывающие мимо огни города.

— Тогда, — твёрдо ответил Луи, — она просто научится с этим жить. Потому что я не собираюсь отказываться от тебя ради её одобрения.

Тогда эти слова показались ей самым романтичным обещанием, которое она когда-либо слышала. Она не знала, что пройдёт всего восемь месяцев, и то же самое одобрение матери, которое Луи клялся, что ему не нужно, станет единственным голосом, которому он позволит определить его отношение к женщине, спасшей ему жизнь.

После того ужина визиты в особняк Кингсли повторялись с пугающей регулярностью — не потому, что Вивьен смягчилась, а потому, что Луи настаивал, упрямо веря, что время и терпение способны растопить лёд материнского неодобрения. Аманда научилась улыбаться сквозь колкости, отвечать вежливостью на едва прикрытое презрение, находить крошечные победы в том, что Вивьен хотя бы перестала демонстративно называть её «девушкой Луи» вместо имени.

— Она начинает к тебе привыкать, — с надеждой говорил Луи после очередного напряжённого воскресного обеда, провожая Аманду домой.

— Привыкать — не значит принимать, — мягко возражала она, хотя старалась не разрушать его оптимизм.

Он лишь качал головой, целуя её в висок с уверенностью человека, который никогда не сталкивался с ситуацией, где его воля оказывалась бы бессильной перед обстоятельствами. Аманда любила эту его уверенность даже тогда, когда подозревала, что она ослепляет его к более мрачным вероятностям будущего.

Глава 3. Трещина

Настоящее время

К обеду первого дня переговоров Аманда была почти уверена, что переживёт эту неделю. К вечеру эта уверенность дала первую серьёзную трещину.

Утро началось с короткого совещания персонала, где управляющий отелем ещё раз напомнил всем о важности безупречного обслуживания делегации Kingsley Group, не подозревая, каких усилий стоило Аманде сохранять невозмутимое выражение лица при одном упоминании этого имени. Она молча кивала вместе с остальными сотрудниками, мысленно готовясь к очередному дню хождения по тонкому льду.

Утро прошло относительно спокойно — деловые встречи, координация расписания, короткие деловые фразы, которыми Луи и Аманда обменивались исключительно в присутствии свидетелей, будто оба заключили негласное перемирие на публике. Аманда даже позволила себе на мгновение расслабиться за завтраком для делегации, наблюдая, как Луи увлечённо обсуждает с партнёрами детали грядущего слияния, — почти прежний, тот самый человек, каким она его помнила, только со следами прожитых лет усталости у глаз. Но перемирие продержалось недолго.

После обеда, когда основная часть делегации переместилась на террасу для неформальной части переговоров, Луи нашёл повод оставить коллег и подойти к стойке, за которой Аманда координировала расписание вечерних мероприятий.

— Мне нужно, чтобы завтрашний ужин перенесли на террасу с видом на залив, — произнёс он тоном, не терпящим возражений, останавливаясь достаточно близко, чтобы она уловила знакомый запах его парфюма — тот самый, что преследовал её в снах годами после расставания. — И пусть подберут вино получше — не ту дешёвку, что подавали сегодня за обедом.

— Вино было из нашей премиальной карты, — спокойно ответила Аманда, не поднимая взгляда от планшета с расписанием, хотя каждая клеточка её тела осознала его присутствие с почти физической болью. — Возможно, дело не в качестве вина, а в чём-то другом.

Уголок его рта дёрнулся — почти улыбка, если бы в его глазах при этом не читалась откровенная холодность, застывшая, как лёд на зимнем озере.

— А в чём же тогда дело, по-твоему? — тихо спросил он, наклоняясь чуть ближе, будто хотел, чтобы этот разговор остался между ними двоими.

— Понятия не имею, — ответила она, наконец подняв взгляд и встретившись с ним глазами. — Мне казалось, вы приехали обсуждать условия слияния, а не оценивать качество вина, мистер Кингсли.

Официальное обращение прозвучало как пощёчина, и она увидела, как что-то мелькнуло в его глазах — раздражение, смешанное с чем-то ещё, чему она не хотела давать название.

— Просто удивительно, — произнёс он, голос стал тише, но острее, — как некоторые люди умеют устраиваться в жизни. Из младшего аналитика — в хостес фешенебельного отеля. Полагаю, охотницам за перспективой не привыкать искать новые уголья, когда старые перестают приносить доход.

Тишина, повисшая между ними, была настолько плотной, что Аманда почти физически ощутила, как воздух в лёгких превратился в лёд. Она видела краем глаза, как проходящая мимо горничная замедлила шаг, уловив напряжение в воздухе, и поспешила скрыться за углом.

— Это низко даже для вас, — тихо, но твёрдо произнесла Аманда, чувствуя, как внутри неё поднимается волна ярости, которую она годами училась держать под замком.

— Низко? — Его голос стал жёстче, а лицо на мгновение исказилось выражением, в котором смешались боль и злость в равных пропорциях. — Низко — это подделывать медицинские

документы и наживаться на человеке, который лежит в коме, борясь за жизнь. Так что не учи меня, что здесь низко, а что нет, Аманда.

Её имя в его устах прозвучало как обвинение, как приговор, вынесенный пять лет назад и до сих пор не пересмотренный.

— Ты даже не пытался узнать правду, — вырвалось у неё прежде, чем она успела остановить себя. — Ты просто поверил в то, что тебе сказали.

— А что мне оставалось делать? — вспыхнул он, впервые за весь разговор повышая голос настолько, что несколько сотрудников отеля обернулись в их сторону. — Очнуться после трёх недель комы и узнать, что женщина, которую я любил больше жизни, планировала избавиться от меня ради страховки?

— Это неправда, и ты это знаешь! — Аманда почувствовала, как на глаза наворачиваются слёзы, и возненавидела себя за эту слабость перед ним. — Или, по крайней мере, ты знал это когда-то, до того как позволил своей семье убедить себя в обратном!

Луи замер, будто её слова ударили в какую-то потайную дверь, которую он держал закрытой все эти годы. На мгновение — всего на долю секунды — в его глазах промелькнуло что-то похожее на сомнение, на призрак того мужчины, который когда-то собирал её рассыпавшиеся документы на полу бального зала.

Но дверь захлопнулась так же быстро, как приоткрылась.

— У меня нет времени копаться в старых обидах, — произнёс он, выпрямляясь и возвращая лицу привычную холодную маску делового человека. — Мы здесь ради слияния. Постарайся вести себя профессионально, раз уж тебе платят за то, чтобы улыбаться гостям.

Он развернулся и ушёл, не дожидаясь ответа, оставив её стоять у стойки с планшетом, который она сжимала так крепко, что побелели костяшки пальцев, а в горле застрял ком, который она не позволяла себе распустить слезами — только не здесь, не на глазах у персонала.

Камилла, наблюдавшая всю сцену издали, с бокалом шампанского в изящной руке, медленно подошла к Луи, когда он вернулся на террасу к остальной делегации.

— Что это было? — спросила она, тщательно контролируя голос, чтобы не выдать растущее беспокойство.

— Ничего, — коротко ответил он, не глядя на неё, беря с подноса проходящего официанта бокал виски и залпом делая большой глоток.

Но Камилла не была наивной девочкой, выросшей в тепличных условиях. Она провела последние три года рядом с человеком, чья репутация безжалостного бизнесмена скрывала под собой куда более сложную натуру, и она видела достаточно мужчин, прячущих старые раны за маской холодного равнодушия, чтобы распознать, когда рана всё ещё кровоточит.

«Ничего» так не выглядит, — подумала она, наблюдая, как побелели костяшки его пальцев на бокале виски, как напряглась челюсть, как взгляд то и дело возвращался к дверям лобби, за которыми скрылась хостес с тёмными выющимися волосами. Но вслух она ничего не сказала. Пока.

В своей комнате для персонала, куда Аманда сбежала под предлогом проверки инвентаря, она наконец позволила себе несколько слёз — быстрых, злых, которые смахнула тыльной стороной ладони прежде, чем кто-либо успел их заметить.

— Ты в порядке? — Софи нашла её через десять минут, прислонившуюся к стеллажу с постельным бельём, с красными глазами и до сих пор дрожащими руками.

— Буду, — соврала Аманда во второй раз за день. — Просто нужна минута.

— Он не заслуживает того, чтобы ты плакала из-за него, — тихо сказала Софи, обнимая подругу за плечи. — Что бы он ни сказал.

Но проблема заключалась в том, что Аманда плакала не только из-за жестоких слов Луи. Она плакала из-за того, что где-то глубоко под пятью годами боли, под всеми выстроенными защитными стенами, часть её сердца всё ещё принадлежала мужчине, который только что

назвал её охотницей за деньгами — том самом мужчине, ради спасения жизни которого она когда-то отдала часть себя без единого сомнения.

И где-то в получасе езды отсюда, в маленькой квартире, шестилетний мальчик с его глазами уже спал, не подозревая, что его существование скоро перевернёт жизни обоих его родителей с ног на голову.

Оставшуюся часть смены Аманда провела как в тумане, механически выполняя привычные обязанности — сверяя расписание, отвечая на вопросы гостей с натренированной профессиональной улыбкой, — пока часть её сознания продолжала прокручивать каждое слово недавней стычки с Луи, каждую фразу, которую следовало бы сказать иначе, каждый взгляд, значивший больше, чем он готов был признать вслух.

К тому моменту, когда её смена наконец закончилась, а такси уже везло её домой сквозь вечерний город, усталость навалилась на неё с почти физической тяжестью — тот особый вид изнеможения, что приходит не от тела, а от постоянного, изматывающего напряжения удерживать маску спокойствия перед лицом человека, некогда бывшего всей её вселенной.

Она смотрела в окно машины на проплывающие мимо огни города, снова и снова возвращаясь мыслями к вопросу, который он бросил ей в лицо, — «что, если ты ошибся, Луи?» — и к тому мимолётному сомнению, промелькнувшему в его глазах прежде, чем он вновь спрятался за привычной холодной бронёй. Возможно, впервые за пять лет, эта трещина в его уверенности казалась ей не пустой надеждой, а чем-то реальным, что стоило беречь и осторожно взращивать, невзирая на боль, которую подобная надежда неизбежно несла с собой.

Такси свернуло на её улицу, знакомые фонари и очертания невысоких домов проплывали мимо в вечерних сумерках, и она поймала себя на мысли, что впервые за долгое время испытывает не только усталость, но и странное, робкое любопытство — к тому, что принесёт завтрашний день, к тому, куда заведёт эта хрупкая трещина в стене, которую они оба выстраивали пять долгих лет.

Но прошлое нельзя было переписать, как бы отчаянно она ни желала обратного. Оставалось только настоящее — со всеми его опасностями, недосказанностями и слабой, едва тлеющей искрой надежды, которую она боялась даже называть по имени.

Глава 4. Дэниел

Квартира встретила Аманду тишиной и запахом остывшего ужина — соседка, забиравшая Ноа из детского сада в дни поздних смен, оставила записку на холодильнике: «Поели, немного посмотрели мультфильмы, уложила в восемь. Держись, я слышала про делегацию из новостей. Звони, если что». Аманда улыбнулась, снимая туфли, которые за день успели натереть ей ноги до боли, и на цыпочках прошла в комнату сына.

Ноа спал, разметавшись поперёк кровати, одна рука свисала с края матраса, а на подушке рядом с ним лежал потрёпанный плюшевый динозавр по имени Рекс — подарок, который она купила ему на первый день рождения, когда денег едва хватало на молоко, не говоря уже об игрушках. Она поправила одеяло, убрала со лба сына непослушную кудрявую прядь и на мгновение позволила себе просто стоять и смотреть, впитывая покой, которого так не хватало в её взрослой жизни.

Комната сына была маленьким островком стабильности посреди бурь, то и дело сотрясавших её жизнь, — стены, оклеенные наклейками с динозаврами, полка с потрёпанными книжками, которые она перечитывала ему уже десятки раз, ящик с конструктором, из которого Ноа выстраивал целые миры. Всё здесь было заработано её собственными руками, без единого цента помощи от семьи, когда-то презрительно вычеркнувшей её из своей жизни, и эта мысль неизменно придавала ей сил в самые трудные моменты.

В гостиной её ждал ужин — остывший, забытый, — и телефон с тремя пропущенными звонками от Дэниела.

Она перезвонила, устраиваясь на диване с чашкой травяного чая, которая, как она надеялась, поможет унять напряжение, скопившееся за день в каждой мышце тела.

— Наконец-то, — раздался в трубке знакомый голос. Дэниел был её адвокатом, другом и, по сути, единственной ниточкой, связывавшей её с прежней жизнью, — тем немногим, что осталось от мира, где её ещё не считали преступницей. — Я весь день не мог до тебя дозвониться. Как всё прошло?

— Хуже, чем я представляла, и я представляла себе довольно мрачные сценарии, — призналась Аманда, потирая переносицу. — Он здесь, Дэниел. Не просто «здесь» — он живёт в этом отеле шесть дней. Шесть дней я буду видеть его каждый час.

На другом конце трубки повисла пауза — та особенная пауза юриста, обдумывающего последствия прежде, чем произнести хоть слово.

— Он что-нибудь сказал? О тебе? О прошлом?

— Он назвал меня охотницей за деньгами прямо у стойки регистрации, — сухо ответила Аманда. — Перед половиной персонала отеля. И перед своей невестой.

— Невестой, — эхом повторил Дэниел, и в его голосе прозвучало нечто похожее на насто-роженность. — Значит, всё серьёзно. Слияние — это не просто бизнес для него, а способ укрепить положение перед свадьбой.

— Какая разница, что там у него за свадьба? — резко спросила Аманда, чувствуя, как раздражение снова поднимается в груди. — Меня волнует другое — что, если он узнает про Ноа?

Тишина. Дэниел молчал достаточно долго, чтобы Аманда поняла: он думал об этом задолго до её звонка.

— Аманда, — наконец произнёс он осторожно, тем тоном, который она научилась распознавать за пять лет их знакомства — тоном, предвещающим неприятный разговор. — Я должен тебе кое-что сказать. Помнишь, я упоминал, что продолжаю неофициально следить за делом? На всякий случай, вдруг что-то всплывёт?

— Помню, — насторожилась она.

— На прошлой неделе, ещё до того, как я узнал о визите делегации, ко мне обратился человек, который утверждает, что располагает информацией о том, кто на самом деле подделал документы против тебя. Он не назвал имени, попросил время, но сказал одну вещь, которая не даёт мне покоя.

— Какую?

— Он сказал, что тот, кто это организовал, был очень близок к семье Кингсли. Настолько близок, что мог заходить в их дом без предупреждения.

Сердце Аманды пропустило удар. За пять лет она перебрала в голове десятки версий того, кто мог быть заинтересован в её падении — конкуренты Луи, завистливые коллеги, случайные враги, нажитые в мире большого бизнеса. Но мысль о том, что это мог быть кто-то из ближайшего окружения самой семьи, никогда не казалась ей настолько правдоподобной, как сейчас.

— Ты думаешь, это была Вивьен, — тихо сказала она, произнося вслух то, о чём оба думали годами, но никогда не говорили прямо.

— Я думаю, что нам нужно быть очень осторожными в ближайшие недели, — уклончиво ответил Дэниел. — Особенно теперь, когда Луи снова появился в твоей жизни, а твой источник обещает мне доказательства. Такое совпадение не может быть случайным.

— Кто этот источник? — спросила Аманда. — Ты хотя бы можешь сказать мне, откуда он взялся?

— Бывший сотрудник службы безопасности особняка Кингсли, — неохотно ответил Дэниел, понизив голос, будто опасался, что их разговор кто-то может подслушать даже сейчас, спустя пять лет после увольнения этого человека. — Его уволили около года назад, по официальной версии — за нарушение внутреннего распорядка, но, судя по тому, как он держится, причина была совсем другой. Похоже, он что-то видел или слышал в те дни, когда ты лежала в больнице, и это до сих пор не даёт ему покоя.

— Почему он молчал так долго? — Голос Аманды дрогнул от смеси надежды и застарелой горечи.

— Страх, — коротко ответил Дэниел. — Люди вроде Вивьен Кингсли умеют внушать страх, который переживает даже увольнение. Но, кажется, с недавних пор что-то изменилось в его расчётах — возможно, совесть, возможно, желание отомстить бывшим работодателям. В любом случае, если он говорит правду, у нас наконец может появиться реальный шанс всё исправить.

Аманда прижала колени к груди, чувствуя, как холод пробегает по спине, несмотря на тёплый плед, в который она куталась.

— А что, если она узнает про Ноа раньше, чем мы успеем что-либо доказать?

— Тогда, — медленно произнёс Дэниел, — тебе стоит подумать, готова ли ты к тому, что случится, если правда всплывёт сама, без твоего участия. Потому что рано или поздно, Аманда, правда всегда всплывает. Вопрос только в том, на чьих условиях это произойдёт — на твоих или на чужих.

Они проговорили ещё полчаса, обсуждая детали, стратегии, возможные шаги, но после того, как Аманда наконец повесила трубку, она ещё долго сидела в темноте гостиной, слушая тихое дыхание спящего сына из соседней комнаты и понимая, что колесо, которое она годами удерживала неподвижным ценой невероятных усилий, только что снова начало вращаться — и на этот раз она не была уверена, что сможет его остановить.

Она заглянула в комнату Ноа ещё раз перед тем, как лечь спать, — просто чтобы убедиться, что он в безопасности, что мир вокруг него по-прежнему прост и понятен, состоит из динозавров, каш на завтрак и обещаний блинчиков по выходным.

«Прости меня, — прошептала она едва слышно, глядя на спящего сына. — Прости меня за всё, что тебе, возможно, придётся узнать».

Дэниел вошёл в её жизнь спустя три месяца после той катастрофической ночи в больничной палате, когда Луи вычеркнул её из своей жизни, а весь остальной мир, кажется, последовал его примеру с готовностью, граничащей с жестокостью. Она сидела тогда в приёмной государственной юридической консультации, беременная, без работы, без единого союзника, готовая подписать любые бумаги, лишь бы прекратить бесконечный поток звонков от журналистов и угроз от адвокатов семьи Кингсли.

— Вы позволите мне сначала прочитать это, прежде чем что-либо подписывать? — спросил тогда молодой, немного взъерошенный юрист, вышедший из своего кабинета, чтобы забрать следующего клиента, и заметивший, с каким отчаянием она листает документы, которые едва понимала.

Это было начало дружбы, которая за пять лет превратилась в нечто гораздо большее — Дэниел стал её единственной константой, человеком, ни разу не усомнившимся в её словах, ни разу не спросившим, не приукрашивает ли она правду в свою пользу.

— Знаешь, — сказала она ему однажды, вскоре после рождения Ноа, — если бы не ты, я не уверена, что смогла бы выдержать всё это в одиночку.

— Ты бы выдержала, — серьёзно ответил он тогда. — Ты сильнее, чем сама думаешь, Аманда. Но я рад, что тебе не пришлось это доказывать в полном одиночестве.

Вспоминая сейчас эти слова, сидя в тёмной гостиной после тревожного разговора о новых угрозах со стороны Вивьен, Аманда чувствовала благодарность, смешанную с горечью от осознания того, как много она потеряла из-за жестокости чужих манипуляций — но также и решимость, укрепляемую присутствием людей, готовых сражаться на её стороне до самого конца.

Она вспомнила ещё один разговор с Дэниелом, случившийся года через два после их знакомства, когда отчаяние особенно сильно давило на неё после очередного отказа в аренде квартиры — хозяева, узнав её имя по случайно всплывшей в интернете статье, вежливо, но твёрдо передумали сдавать жильё «особе с подобной репутацией».

— Знаешь, что самое обидное? — сказала она тогда Дэниелу, сидя на скамейке в парке с шестимесячным Ноа на руках. — Не то, что они мне не верят. А то, что я сама иногда начинаю сомневаться, была ли я права, храня молчание всё это время, вместо того чтобы бороться до конца.

— Ты не хранила молчание, — твёрдо возразил он тогда. — Ты выживала. Это разные вещи, Аманда. И однажды, я обещаю тебе, придёт время, когда молчание больше не будет необходимостью.

Она надеялась тогда, что это время придёт скоро. Она не подозревала, что пройдёт ещё три с половиной года, прежде чем судьба в лице делегации Kingsley Group наконец создаст условия, при которых правда получит шанс вырваться наружу.

Глава 5. Ночь, которая всё изменила

Пять лет назад

Вечер начинался как любой другой — Аманда ждала Луи в его квартире, готовила ужин по рецепту, который нашла в старой поваренной книге его бабушки, и репетировала про себя фразу, которую собиралась произнести уже несколько недель: «Луи, кажется, я беременна».

Она узнала об этом три дня назад, в маленькой аптеке на углу, куда пошла, стараясь не привлекать внимания, потому что даже такая простая покупка могла попасть на страницы жёлтой прессы, преследовавшей каждый шаг наследника Kingsley Group. Две полоски на тесте изменили всё её представление о будущем, и с тех пор она не находила подходящего момента, чтобы сказать правду.

Сегодня, решила она. Сегодня вечером, за ужином, она скажет ему.

Она репетировала эту фразу весь день, стоя перед зеркалом в ванной, пытаясь подобрать правильную интонацию — не слишком испуганную, не слишком радостную, что-то среднее, что позволило бы ему самому решить, как реагировать на новость, не почувствовав себя загнанным в ловушку обстоятельств. Часть её боялась его реакции — они никогда прежде не обсуждали детей всерьёз, оба были слишком поглощены его карьерой и её попытками закрепиться в чуждом ей мире корпоративной элиты. Но большая часть её сердца была наполнена робкой, почти суеверной радостью, которую она пока боялась показывать миру, будто произнесённая вслух надежда могла спугнуть хрупкое счастье, только начавшее формироваться внутри неё.

Он пришёл позже обычного, взвинченный, с телефоном, не замолкающим ни на секунду.

— Что-то случилось? — спросила она, забирая у него пальто.

— Восс, — коротко бросил он, имея в виду Маркуса Восса, конкурента, чья компания последние месяцы вела с Kingsley Group агрессивную войну за контроль над несколькими ключевыми контрактами. — Совет директоров паникует. Восс распустил слухи о финансовых проблемах компании, акции падают третий день подряд. Мне нужно быть на экстренном заседании через час.

Конфликт с Воссом тянулся уже полгода, постепенно перерастая из обычного делового соперничества в нечто гораздо более личное и опасное. Аманда помнила, как несколько недель назад Луи вернулся домой мрачнее обычного после случайной встречи с конкурентом на благотворительном приёме — Восс, подвыпивший и озлобленный очередным проигранным тендером, бросил прямо в лицо Луи угрозу, которую тот тогда счёл пустой бравадой раздосадованного бизнесмена.

«Ты ещё пожалеешь, что перешёл мне дорогу, Кингсли, — процедил тогда Восс достаточно громко, чтобы слышали окружающие. — Я найду способ забрать у тебя всё, что тебе дорого».

Луи посмеялся над этими словами в тот вечер, назвав их пьяным бахвальством отчаявшегося человека. Аманда, впрочем, запомнила ледяной блеск в глазах Восса, что-то в нём тогда показалось ей куда более серьёзным, чем простое уязвлённое самолюбие проигравшего конкурента.

— Ты только что вошёл, — тихо запротестовала Аманда, чувствуя, как её тщательно подготовленный вечер рассыпается на глазах.

— Знаю, прости. — Он на мгновение остановился, взял её лицо в ладони, поцеловал в лоб с той нежностью, которая всегда заставляла её сердце замирать. — Я вернусь, как только смогу. Обещаю, мы поговорим обо всём, что ты хотела сказать. Я же вижу — тебя что-то тревожит уже несколько дней.

— Это может подождать, — солгала она, отпуская его к двери с улыбкой, которая давалась ей с трудом.

Она никогда не забудет этот последний взгляд, брошенный через плечо, прежде чем дверь закрылась за ним. Она не знала тогда, что видит его — прежнего Луи, того, кто ещё принадлежал ей целиком, — в последний раз.

Новости пришли спустя три часа, глубокой ночью, в виде истерического звонка от помощника Луи.

— На него напали, — прерывающимся голосом произнёс молодой человек, чьё имя Аманда даже не могла вспомнить в тот момент. — У парковки офиса, когда он выходил после заседания. Стрельба. Его увезли в госпиталь Святой Марии, состояние критическое.

Дорога до больницы слилась в её памяти в один размытый кошмар — визг тормозов такси, которое она поймала дрожащими руками, яркий свет приёмного покоя, врачи в зелёных халатах, произносящие термины, значение которых она не могла осмыслить сквозь панику.

Она ворвалась в приёмное отделение, задыхаясь, растрёпанная, всё ещё в домашней одежде, и первые несколько минут никто не мог понять, кто она такая и почему требует немедленного доступа к пациенту, чьё имя знал весь город.

— Я невеста, — солгала она медсестре на ресепшене, впервые в жизни присвоив себе титул, на который не имела официального права, но который казался единственным способом получить хоть какую-то информацию. — Пожалуйста, мне нужно знать, что с ним.

— Огнестрельное ранение в область живота с повреждением крупного сосуда, — объяснял ей хирург спустя, казалось, целую вечность, пока она сидела в коридоре, сжимая в руках чашку остывшего кофе, которую кто-то сунул ей в руки. — Массивная кровопотеря, у нас редкая группа крови, и запасов в банке катастрофически не хватает. Нам нужны доноры прямо сейчас, иначе оперировать будет некого.

— Какая группа крови нужна? Какие требования? — Аманда вскочила на ноги прежде, чем успела до конца осознать, что делает. — Проверьте меня. Пожалуйста. Проверьте, подхожу ли я.

Хирург посмотрел на неё с удивлением, смешанным с профессиональной оценкой.

— Вы родственница?

— Я... — Аманда на секунду замялась, чувствуя, как в горле встаёт ком. — Я самый близкий ему человек. Пожалуйста. Проверьте меня.

Рядом с ней в коридоре сидел помощник Луи, бледный и растерянный, судорожно набравший номер за номером — сначала пытаясь дозвониться до Вивьен, находившейся в тот вечер на благотворительном приёме в другом конце города, затем до личного врача семьи, затем до кого-то из совета директоров, чьё присутствие могло бы понадобиться, если дела пойдут совсем плохо. Аманда почти не замечала этой суеты вокруг себя, полностью сосредоточенная на единственной мысли, пульсировавшей в висках: только бы успеть, только бы подошла кровь, только бы не опоздать.

Совместимость подтвердилась спустя два часа изнурительного ожидания — редкое, почти чудесное совпадение группы крови, которое врачи называли счастливым случаем, а Аманда в тот момент восприняла как знак судьбы, подтверждение того, что они с Луи действительно были предназначены друг другу самой вселенной.

Она не колебалась ни секунды, когда ей объяснили, что потребуется несколько заходов прямого переливания подряд, пока хирурги будут останавливать кровотечение и восстанавливать повреждённый сосуд.

— Делайте это, — сказала она твёрдо. — Берите столько, сколько нужно. Спасите его.

Операция длилась девять часов. Аманда провела их на соседней кушетке, снова и снова подставляя вену под иглу, пока медсёстры сменяли пустые пакеты донорской крови один за другим, а где-то за стеной хирурги боролись за жизнь Луи миллиметр за миллиметром. Она

не сказала врачам о тесте, купленном три дня назад в аптеке на углу, о двух полосках, которые так и не успела обсудить с Луи, — не потому что хотела скрыть, а потому что в хаосе той ночи не нашлось ни секунды, чтобы произнести это вслух, а ранний срок был слишком мал, чтобы кто-то заметил или спросил.

Она не знала тогда, обессиленная, кутаясь в больничное одеяло в перерывах между заборами крови, что где-то в кабинете совета директоров Вивьен Кингсли уже отдавала распоряжения своему личному помощнику — распоряжения, которые превратят её акт величайшей любви в её жизни в доказательство самого чудовищного предательства.

— Нужно, чтобы всё выглядело определённым образом, — произнесла Вивьен ледяным, отработанным годами тоном человека, привыкшего решать проблемы без лишних сантиментов. — Пресса должна получить правильную версию событий прежде, чем мой сын очнётся и начнёт задавать вопросы. Девушка не подходит для нашей семьи. Никогда не подходила. Но теперь у нас есть возможность решить эту проблему раз и навсегда, и грех этой возможностью не воспользоваться.

Документы, которые впоследствии предъявят Луи как «доказательства», уже начали свой путь к созданию — сфабрикованные банковские выписки, поддельные сообщения, показания подкупленных свидетелей, которые в один голос будут утверждать, что видели, как Аманда встречалась с представителями страховой компании ещё до нападения.

Никто из врачей, никто из персонала больницы, и уж тем более сама Аманда, ещё не знали, какая буря готовится обрушиться на её жизнь в тот самый момент, когда она, измученная бессонной ночью и бесконечными заборами крови, впервые с абсолютной ясностью осознала, что теперь отвечает не только за собственную жизнь — где-то внутри неё уже начинала расти крошечная, хрупкая тайна, которая свяжет её с Луи навсегда, вне зависимости от того, что готовит им судьба.

Полиция так и не нашла прямых улик против Маркуса Восса — оружие исчезло, свидетелей у безлюдной парковки не оказалось, а сам Восс, вызванный на допрос, невозмутимо предъявил безупречное алиби, подготовленное его адвокатами с той же профессиональной точностью, с какой Вивьен готовила фальшивые доказательства против Аманды. Дело было закрыто спустя месяц за недостатком доказательств, оставив открытым вопрос, который будет преследовать всех причастных ещё долгие годы: кто на самом деле нажал на курок в ту роковую ночь, и кому было выгодно, чтобы правда так и осталась похороненной под слоем удобных предположений.

Глава 6. На виду у всех

Настоящее время

Официальный ужин для делегации Kingsley Group был назначен на третий вечер переговоров — торжественное мероприятие на террасе отеля с видом на залив, где закатное солнце окрашивало воду в оттенки меди и золота, а персонал сновал между столами, разнося блюда, требовавшие недели подготовки шеф-повара.

Аманда координировала мероприятие лично — не потому что должность требовала её прямого присутствия на подобных ужинах, а потому что Софи настояла, что появление на публике в качестве уверенного профессионала лучше любого другого способа покажет Луи, что её больше не сломить.

— Держи спину прямо и улыбайся так, будто ты только что выиграла в лотерею, — прошептала Софи, поправляя причёску Аманды в последний раз перед началом мероприятия. — Пусть видит, что ты процветаешь без него.

Аманда попыталась последовать совету, но стоило ей увидеть Луи в безупречном тёмном костюме, сидящего во главе стола рядом с Камиллой, как всё её напускное спокойствие едва не растворилось под тяжестью воспоминаний о том, каким он был раньше — тем самым мужчиной, который однажды за похожим ужином тайно держал её руку под столом, переплетая их пальцы, пока их взгляды украдкой встречались через весь зал.

Она заставила себя сосредоточиться на работе — проверить рассадку гостей, убедиться, что вино подано правильно, проследить, чтобы каждое блюдо появлялось на столе в идеальный момент. Каждая деталь мероприятия требовала полной концентрации, и Аманда была благодарна этой суете, позволявшей хотя бы на время отвлечься от того, как её взгляд то и дело непроизвольно возвращался к столу, где Луи о чём-то оживлённо беседовал с одним из партнёров, изредка бросая короткие, изучающие взгляды в её сторону — взгляды, которые она чувствовала спиной с почти сверхъестественной точностью.

Камилла, сидевшая рядом с ним, время от времени клала руку на его предплечье жестом собственности, отточенным годами публичных появлений в качестве будущей невесты одного из самых завидных холостяков страны, и каждый раз, замечая это, Аманда чувствовала укол чего-то неприятного, отдалённо похожего на ревность, которую отказывалась признавать даже перед самой собой.

Проблема возникла, когда один из старших партнёров делегации, мужчина лет пятидесяти с седеющими висками и покровительственной манерой общения, решил завязать разговор с Амандой, пока она проверяла порядок подачи десертов.

— Вы, должно быть, местная знаменитость, — заметил он с улыбкой, которая показалась Аманде излишне фамильярной. — Такая красивая девушка, работающая хостес в подобном заведении. Странно, что вас ещё никто не увёл под венец.

Аманда вежливо улыбнулась, привыкшая к подобным комментариям от гостей, выпивших чуть больше положенного.

— Благодарю за комплимент, но моя работа — единственное, что меня сейчас интересует, — ответила она дипломатично, надеясь, что этого будет достаточно, чтобы закрыть тему.

Но мужчина, разгорячённый вином, не унимался.

— Луи, — окликнул он через стол, и сердце Аманды похолодело от осознания того, что сейчас произойдёт что-то, чего она никак не сможет контролировать. — Ты только посмотри на эту красавицу. Не находишь ли ты, что она заслуживает лучшей доли, чем разносить закуски богачам?

Взгляды всех присутствующих за столом устремились на Аманду, и она почувствовала, как краска стыда заливает щёки под этим коллективным вниманием.

Луи медленно поднял взгляд от своего бокала вина, и то, что Аманда увидела в его глазах в тот момент, заставило её замереть — там была не жалость, которую она ожидала, а нечто гораздо более жестокое, тщательно контролируемая, холодная ярость.

— Некоторые люди, Ричард, — произнёс он размеренно, растягивая каждое слово с той намеренной медлительностью, которая всегда предшествовала его самым разрушительным репликам, — сами выбирают путь, на который встают. И некоторые пути ведут туда, где заслуживаешь оказаться, вне зависимости от того, насколько привлекательно выглядишь.

За столом повисла неловкая тишина. Даже Ричард, инициировавший неудачную шутку, слегка поёжился под тяжестью явной жестокости, скрытой в этих словах.

— Луи, — тихо, но предостерегающе произнесла Камилла, кладя руку на его рукав, и впервые за весь вечер в её голосе прозвучало неодобрение, направленное на него самого, а не на Аманду.

Но Луи, казалось, не заметил предупреждения невесты, продолжая смотреть на Аманду с выражением, в котором смешивались презрение и что-то ещё — что-то, слишком похожее на боль, чтобы быть простой холодностью.

Аманда почувствовала, как внутри неё что-то надломилось — не от слов Ричарда, безобидных, хотя и бестактных, а от осознания того, с какой лёгкостью Луи воспользовался возможностью нанести ей новую рану, публично, при свидетелях, не задумываясь о последствиях.

— Прошу прощения, мне нужно проверить кухню, — произнесла она ровным голосом, хотя внутри всё кипело от унижения, и поспешно покинула террасу прежде, чем кто-либо успел заметить блеснувшие в её глазах слёзы.

Она нашла убежище в тёмном служебном коридоре за кухней, прислонившись спиной к прохладной стене, пытаясь восстановить дыхание и вернуть себе профессиональное самообладание, которое, казалось, покидало её каждый раз, когда Луи находился поблизости.

— Аманда.

Голос за спиной заставил её вздрогнуть. Луи стоял в дверном проёме, его силуэт освещался тусклым светом коридорной лампы, а выражение лица, впервые за весь вечер, было лишено привычной холодной маски.

— Что тебе нужно? — устало спросила она, не оборачиваясь полностью.

— Я... — Он замолчал, будто слова застряли где-то в горле. — То, что я сказал там, за столом. Это было лишним.

— Лишним, — эхом повторила она с горькой усмешкой. — Ты назвал меня существом, заслуживающим унижения, перед всей своей делегацией, а теперь называешь это «лишним»?

Он сделал шаг ближе, и Аманда почувствовала, как воздух в узком коридоре словно наэлектризовался от его присутствия.

— Я не знаю, что со мной происходит с тех пор, как увидел тебя снова, — тихо признался он, и в этом признании было больше искренности, чем во всех предыдущих его репликах за последние три дня. — Каждый раз, когда я вижу тебя, часть меня хочет вспомнить, каково это было — доверять тебе безоговорочно. А другая часть напоминает мне обо всём, что случилось после.

— Ты веришь не в то, что случилось на самом деле, Луи, — тихо произнесла Аманда, поднимая на него взгляд, полный усталости и застарелой боли. — Ты веришь в то, во что тебя заставили поверить.

Их взгляды встретились в полумраке коридора, и на мгновение — всего на одно короткое мгновение — время будто остановилось, вернув их обоих на пять лет назад, к той версии друг друга, которая ещё умела доверять безоговорочно.

Затем откуда-то из зала донёсся звук аплодисментов — очевидно, кто-то произносил тост, — и момент рассыпался так же быстро, как возник.

— Мне нужно вернуться, — произнёс Луи, отступая на шаг, будто внезапно осознал, насколько близко подошёл к какой-то невидимой черте.

— Конечно, — ответила Аманда, отворачиваясь первой, пряча от него выражение собственного лица, в котором смешались слишком много противоречивых чувств, чтобы она могла позволить ему их увидеть.

Он ушёл, оставив её одну в тёмном коридоре, слушать удаляющиеся шаги и биение собственного сердца, которое отказывалось успокаиваться ещё очень долго после того, как терраса вновь наполнилась звуками вечеринки, продолжавшейся так, будто ничего не произошло.

Аманда вернулась к своим обязанностям спустя несколько минут, тщательно поправив причёску и стерев с лица малейшие следы недавних слёз, но весь остаток вечера прошёл для неё будто в тумане. Она автоматически улыбалась гостям, координировала подачу десерта, отвечала на вопросы персонала, но часть её сознания оставалась в том тёмном коридоре, снова и снова прокручивая слова Луи — «часть меня хочет вспомнить, каково это было доверять тебе безоговорочно».

Когда мероприятие наконец закончилось, и последние гости делегации разошлись по номерам, Софи нашла Аманду убирающей забытые бокалы с террасы.

— Ты выглядишь так, будто увидела призрака, — заметила подруга, забирая у неё поднос с посудой.

— Возможно, так и есть, — тихо ответила Аманда, глядя на теперь уже пустую террасу, где несколько часов назад разыгралась сцена, перевернувшая что-то глубоко внутри неё. — Призрака того, кем мы могли бы стать, если бы всё сложилось иначе.

Софи ничего не ответила, лишь крепче сжала плечо подруги, понимая, что некоторые раны требуют не слов утешения, а простого молчаливого присутствия рядом.

Ричард, виновник неловкой сцены за ужином, поймал Аманду у выхода, прежде чем она успела скрыться в служебных помещениях, и, отрезвевший настолько, чтобы осознать неуместность собственной шутки, пробормотал извинения с искренностью подвыпившего, но не злонамеренного человека.

— Простите, если я поставил вас в неловкое положение, — произнёс он, слегка покачиваясь. — Не знал, что у вас с Кингсли какая-то история.

— Всё в порядке, — вежливо ответила Аманда, хотя внутри всё ещё бушевала буря непрожитых эмоций. — Спокойной ночи.

Она ушла, не дожидаясь дальнейших извинений, чувствуя, что ещё одна минута подобного разговора окончательно истощит те скудные остатки самообладания, которых ей едва хватало, чтобы продержаться до конца этого бесконечного вечера.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.